

ФРАНЦУЗСКИЕ ГУВЕРНЕРЫ В ЧЕХИИ XVIII В.

В 70-х гг. XVIII в. граф Франц Йозеф Кински издал сочинение, посвященное образованию дворян и приобретшее впоследствии известность. В нем он подверг резкой критике семьи, приглашавшие французских гувернеров¹. По мнению Кински, иностранцев нанимают, повинаясь моде, хотя не известно, в чем преимущество преподавателей-иностранцев по сравнению с преподавателями-соотечественниками. Совершенно не стоит приглашать иностранцев для обучения другим языкам, а науки чешский ученый способен преподавать так же, как и чужеземец. Выходец из Чехии, утверждает Кински, в действительности лучше знает свою страну, ее строй и местный язык. Кински также сетует на то, что люди прилагают слишком мало старания для поиска хорошего иностранного наставника. Его критическое замечание о том, что родители, выписывая учителя из Парижа, проявляют больше беспечности, чем при «покупке лошади в Англии», станет знаменитым².

Кински, который хотел устроить в Праге школу для офицеров, развивает те же идеи и в других своих сочинениях, посвященных домашнему обучению дворян. Так, в 1776 г. выходит его трактат «О гувернерах» (*Über die Hofmeister*)³, где главной темой стал выбор и специфика должности гувернера. Здесь критика модной тенденции приглашать французских гувернеров еще более сурова. Кински считает, что при выборе гувернера должна учитываться его национальность: космополитов не существует, подчеркивает он. Он порицает привычку искать гувернеров в той стране, которой подражают, и видит причину этой напасти во всеобщем распространении идей Просвещения⁴.

В прошлом молодые люди были более крепкими, мужественными и решительными, чем сейчас, считает Кински. По его мнению, непристойное поведение юных дворян, каковое можно видеть ежедневно, показывает, что французские гувернеры не сумели привить им учтивости (*Höflichkeit*). Это падение нравов подтверждает,

* Иво Серман, доцент Южночешского университета (Чешские Будёвице).

¹ Kinsky F. J. Erinnerung über eine wichtigen Gegenstand. Von einem Böhmen. Prague, 1773.

² Ibid. § 157.

³ Kinsky F. J. Über die Hofmeister. Prague, 1776.

⁴ Ibid. § 6–8.

что дворянские отпрыски должны обучаться гувернерами-соотечественниками, а не иностранцами, ибо принципы образования должны отвечать специфике страны⁵. Кински помещает эту максиму в начало своего первого педагогического сочинения «Воспоминание» (*Erinnerung*), где утверждает, что образование не может основываться на абстрактных идеях, а должно учитывать характерные особенности страны проживания ученика⁶. Эта фундаментальная для его системы обучения мысль служит отрицанием философии педагогики Ж.-Ж. Руссо. В своем трактате «О гувернерах» Кински выступает с известным выпадам против гувернеров, сравнивая «наших бедных жителей Чехии, подражающих парижанам» с «теми животными, которые не умеют плавать, но не хотят жить и на суше»⁷. В этом положении Кински и его оппонента Ж.-Ж. Руссо парадоксальным образом сближаются. В своем труде «Об общественном договоре» Руссо писал, что поспешные реформы Петра I в России оказали то же действие, что и преподавание французского учителя иностранному ученику: «Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством»⁸.

Кински и сам был в этом отношении парадоксален, поскольку в личной переписке использовал французский язык, а чешским не владел. Несмотря на это, в 1779 г. его назначили начальником отделения Военной академии в Винер-Нойштадте, его сочинение неоднократно издавалось в 1780-х и 1790-х гг. с одобрения императора Иосифа II, а его идеи получили поддержку на государственном уровне⁹. Именно по этой причине критика образования на французский манер появляется в сочинениях и некоторых венских писателей, таких как Иоганн Пецл (*Pezzl*) и Иоганн Раутенштраух (*Rautenstrauch*), и чешских патриотов, таких как, например, Николас Адаукт Фойгт (*Voigt*), Франц Мартин Пельцл (*Pelzl*) и др.¹⁰

Социальный портрет француза-гувернера

Была ли эта критикой оправданной? Кем были французские гувернеры и когда они появились в Чехии? Согласно источникам, французские наставники появились там задолго до эпохи Просвещения.

⁵ Ibid. § 9.

⁶ *Kinsky F. J.* Erinnerung über einen wichtigen Gegenstand. § 1.

⁷ *Kinsky F. J.* Über die Hofmeister. § 9.

⁸ *Rousseau J. J.* Du contrat social. Livre I. Ch. VIII (OC III, p. 586).

⁹ *Kinsky F. J.* Vermischte Schriften. Wien 1785–1786. 2 vols; *Idem.* Des Grafen Franz Kinsky Gesammelte Schriften. Wiener Neustadt, bei Adam und Compagnie 1787–1788 (2e ed. 1794–1797).

¹⁰ Ср.: *Cerman I.* Habsburgischer Adel und Aufklärung. Bildungsverhalten des Wiener Hofadels im 18. Jahrhundert, Stuttgart, 2010. P. 205–219.

Некоторые аристократические семьи протестантского вероисповедания поддерживали отношения с французскими гугенотами начиная с XVI в., и можно предположить, что они овладели французским языком¹¹. Также существовали протестанты, связанные с французскими католиками и принявшие впоследствии католичество, как, например, Карл фон Лиштенштайн (Liechtenstein)¹². Однако появление первых французских гувернеров в католических семьях Чехии зафиксировано источниками лишь в 1620-х гг.: к примеру, в семье Шварценберг (Schwarzenberg) уже в 1618 г. имелся гувернер-француз¹³.

Именно в 1620-х гг. французская община в Праге выросла настолько, что стало возможным основать церковь и независимое религиозное сообщество. Центром общины стала церковь Св. Людовика, появившаяся в 1623 г.¹⁴ Это был знак признательности императора Фердинанда II французским католикам за их поддержку во время чешского восстания¹⁵. В 1623 г. «французской нации» была предоставлена бывшая церковь Яна Гуса в Малой Стране, где была создана «Конгрегация под покровительством св. Людовика»¹⁶. В тот период в Малой Стране проживало лишь пятьдесят французов, тогда как число французов, обосновавшихся на правом берегу Влтавы и не посещавших церковь в Малой Стране, было более значительным. По этой причине император Фердинанд II отдал французской конгрегации церковь св. Линхарта в пражском Старом городе, которая стала новым центром этой небольшой общины. Конгрегация занималась благотворительной деятельностью, что было подтверждено ее новым уставом от 1671 г.

В период Тридцатилетней войны некоторые дворянские семьи приезжали из Франции в Чехию для службы в императорской армии¹⁷. Среди них был глава протестантов Ла-Рошели Жан Луи Радюи де Суш (Souches), а также графы Дефур (Desfours), граф Гаспар де Шаваньяк (Chavagnac) и другие дворяне, которые привнесли элементы французской культуры в Чехию. Графы Лонгеваль Бюкуа (Longueval Buquoy)

¹¹ Так, во Францию периода Религиозных войн для поддержки гугенотов ездил Карл Старый из рода Циротинов (Zierotin). См.: *Odložník O. Karel starší ze Žerotína 1564–1636*. Praha, 1936. P. 70–75.

¹² *Ibid.* P. 55.

¹³ *Lenderová M. Tragický bál. Život a smrt Pavlíny ze Schwarzenbergu*. Praha, 2004. P. 154.

¹⁴ *Merhout C. Francouzský kostelík sv. Ludvíka v Praze III (1623–1654) // Kniha o Praze. Pražský almanach 2, 1931. P. 47–65.*

¹⁵ *Gindely A. O postavení Francie k Cechám 1618–1620 // Časopis českého musea, 1876. P. 14.*

¹⁶ *Merhout C. Op. cit. P. 56–57.*

¹⁷ Ср.: *Chaline O. Les migrants militaires francophones au service de l'empereur (fin XVIe–moitié XIXe siècle) // Le rayonnement français en Europe centrale du 17e siècle à nos jours. Pessac, 2009. P. 55–71; Klapka P. Un Rochelais au service des Habsbourg: Jean Louis Raduit de Souches (1608–1682) // Ibid. P. 215–227.*

происходили из Испанских Нидерландов и вновь обрели свою национальную идентичность во время Французской революции¹⁸.

Враждебные отношения между Священной Римской империей и Францией Людовика XIV **осложняли жизнь французских интеллектуалов**, учивших детей в дворянских семьях Чехии. После того как в июне 1689 г. Прагу опустошил пожар, в котором обвинили Людовика XIV и неустановленных тайных агентов¹⁹, все французы, проживавшие в Чехии, оказались под подозрением. В 1672 г. конгрегация церкви св. Людовика насчитывала 43 члена, некоторые из них, недавно прибывшие, обратились с просьбой о получении подданства в Праге. После пожара 1689 г. император принял решение выслать всех иностранцев, не являвшихся подданными Чехии. Муниципальным советом Малой Страны и Старого города были составлены списки французов, находившихся под его юрисдикцией, которые позволяют сегодня получить представление об их количестве и профессиональной принадлежности. Согласно этим спискам, некоторые из них служили гувернерами или учителями танцев в дворянских домах. Правительство страны не делало никаких исключений, и некоторые гувернеры были также высланы. Так случилось и с гувернером Олджиха Феликса Попеля Лобковица (Lobkowicz). Лобковиц мужественно встал на защиту его, однако это заступничество не увенчалось успехом. И все же изгнание не было самым суровым наказанием, ведь некоторые французы были приговорены к сожжению. Народ обратил свою ненависть на жившего в Праге француза Максимилиана Сетьера (Septier). Сам он не был гувернером, но у него на службе состоял французский наставник, которого подозревали в том, что он был шпионом Людовика XIV. Удивительно, но конгрегация церкви Св. Людовика сумела пережить этот всплеск всеобщей враждебности к иностранцам и **продолжала принимать** новых членов. В 1702 г., во время войны за Испанское наследство, французы вновь подверглись высылке. Можно предположить, что и в период 1733–1738 гг. франкоязычная община тоже испытала ряд трудностей, связанных с войной за Польское наследство, а также и позже, в связи с оккупацией Праги французскими войсками в 1741–1742 гг.

По нашим сведениям, больше списков французов, проживавших в Чехии, не составляли вплоть до 1793 г., когда страх перед Французской революцией заставил императора Франца II установить тщательный надзор за французами, проживавшими в его государстве.

¹⁸ *Chaline O.* Les Buquoy, d'Artois en Bohême. *Revue des études slaves*. 78, 2007, n 4.

¹⁹ *Kopečková J.* Francouzský požár Prahy v roce 1689 a jeho pozadí // *Historie* 2000. České Budějovice, 2001. P. 97–123.

В списке 1793 г. указаны 75 имен, из которых 21 принадлежало учителям, служившим в дворянских домах²⁰. Можно предположить, что список содержит имена не всех гувернеров-французов, однако он показывает, что их число было довольно незначительным и что они не составляли большинства среди преподававших в дворянских семьях наставников. «Общие положения для школьных заведений» (*Allgemeine Schulordnung*) Марии-Терезии от 1774 г.²¹ обязали всех французских учителей сдавать экзамен в *Normalschule*. Список явившихся на этот экзамен, который, возможно, будет когда-нибудь обнаружен в Национальном архиве Праги, должен дать более подробные сведения об учителях, преподававших тогда в Чехии.

Как правило, предпочтение отдавалось франкоязычным учителям из французской части Нидерландов или из Лотарингии, однако даже французский язык не всегда преподавали французы. К примеру, автором самого известного в Чехии учебника французского языка был чешский учитель Франц Мартин Пелцл²². С другой стороны, французские наставники являлись незаменимыми в деле социализации юных аристократов, поэтому их родители стремились найти именно учителя-француза. Книги учета сельского населения свидетельствуют о том, что французские гувернеры служили даже в домах мелкого дворянства.

Не все гувернеры были людьми светскими: многие франкоязычные учителя принадлежали к числу иезуитов и пиаристов. В условиях возврата к католицизму не вызывает удивления тот факт, что некоторые франкоязычные иезуиты привлекались к преподаванию французского языка в коллежах и университетах. Французский язык особенно ценился в дворянской среде, поэтому в венском училище св. Терезы, основанном в 1746 г. и предназначенном для получения молодыми аристократами современного образования, было много французских иезуитов²³. Один из них, Франсуа Ксавье Бужар (Boujart), до 1782 г. преподавал французский язык и литературу. Судя по именам и фамилиям, большинство из них происходили из Нидерландов или Франции. Все они занимали должности преподавателей французского языка, но некоторые преподавали также и литературу. Писатели-

²⁰ Национальный архив Праги (NA Praha), Prezidium českého gubernia. 1791–1806. 15с. Коп. n° 243, n° 648.

²¹ Die Allgemeine Schulordnung Kaiserin Maria Theresia und J. I. Felbigers Forderungen an Schulmeister und Lehrer. Leipzig, 1896; Johann Ignaz von Felbigers Methodenbuch mit einer geschichtlichen Einleitung / J. Panholze. Freiburg im Breisgau, 1898. P. 109–365.

²² Pelcl F. M. Handbuch zum Gebrauche der Jugend bey der Erlernung der deutsch-, französisch- und boehmischen Sprachen. Prague; Leipzig, 1792.

²³ Cerman I. Op. cit. P. 219–243.

иезуиты издавали сочинения о морали, образовании и литературе. Их имена²⁴, вполне вероятно, помогут историкам определить авторов некоторых сочинений.

Среди пиаристов тоже встречались владеющие французским языком. У этого ордена, соперничавшего с орденом иезуитов, также были свои школы, да и дворянские семьи часто приглашали членов этого ордена в качестве домашних учителей. Дошедшие до нас фамилии показывают, что некоторые из них могли также быть выходцами из франкоязычных стран²⁵.

Французская революция в некоторой степени изменила социальный состав французских учителей. До революции светские учителя были в основном молодыми интеллектуалами, искавшими хоть какую-либо должность. Они соглашались на работу учителя за обещанную им в дальнейшем должность библиотекаря, личного секретаря или всего лишь за рекомендацию для последующего устройства на канцелярскую работу. К учителям часто относились как к прислуге, и некоторые увольнялись из-за проблем с оплатой или из-за несправедливого отношения со стороны нанимавших их дворян.

Поиски учителя

Определить социальную принадлежность учителей иногда можно по их рекомендательным письмам. Князь Рудольф Йозеф Коллоредо-Валзее (Colloredo-Wallsee) в 1730-х гг. искал наставника для своих сыновей²⁶. Его действия показывают, что дворянин из Чехии мог обладать большим благоразумием, чем считал Кински. Для начала князь Коллоредо составил письмо, где указал, какими качествами должен обладать искомый им учитель. Тот должен был быть «человеком признанных достоинств, строгих нравов в сочетании с обширными познаниями, достаточно зрелого возраста, католического

²⁴ См.: *Gemmell-Flischbach M.* Album des kaiserl. königl. Theresianums (1746–1880). Wien, 1880. S. 6–15. Учетные записи 1750 г. указывают, что первыми франкоязычными преподавателями здесь были: Пьер дю Клерк, Теодор Валенсар, Матиас Албо, Кладиус Гоффрией, Жозеф Лепера, Жозеф Блондель, Никола Бранкур, Франсуа Жост, Никола Кирен, Жильбер ла Берн, Анри Мейан (du Clercq, Valensart, Albot, Goffrey, Lepera, Blondel, Brancourt, Jost, Quirin, la Bersne, Meillant). Начиная с 1770 г. здесь преподавали: Жак Бридво, Жан Декер, Жан Абеа, Фердинан Лёридан, Фердинан Местр, Жак де Суте, Огюстен Барюель, Антуан Жандр и Жозеф Мише, Франсуа Ксавье Бужар (Bridevaux, Decker, Habeat, Leuridan, Maistre, de Souter, Baruelle, Gendre et Michet, Boujart).

²⁵ Опубликовано в: *Bombera J.* Piaristé jako vychovatelé ve službách šlechty // Jižní Morava. 31. 1995. P. 25–42.

²⁶ Государственный областной архив в Zámrsk (далее – SOA Zámrsk). FA Colloredo–Waldsee. Кор. 26.

вероисповедания»²⁷. Это письмо он отправил своему другу, профессору Страсбургского университета, с просьбой рекомендовать кого-нибудь на эту должность. Адресат, чье имя остается нам неизвестным, ответил длинным письмом, где дает характеристику человека, который мог бы взяться за такую работу в Чехии. Прочитируем **это письмо полностью**:

Его имя Коломбо (Colombot), родом он из города Везуль, что в области Франш-Конте, из очень уважаемой там семьи, принадлежащей к дворянству мантии, ему 26 лет. Он более степенен и уравновешен, чем бывают обычно наши французы в этом возрасте. Учтивость в поведении сочетается у него с кротостью нрава, что помогает гувернеру завоевать сердце ученика; он обладает совершенным благоразумием и твердостью, необходимыми для хорошего преподавания.

Классическое образование он получил в Безансоне, завершив его в нашем университете, где получил научные степени, а затем был принят адвокатом в парламент Прованса. Восьмилетнее его пребывание в нашем городе, под присмотром его дяди, достойного человека, совместное обучение с молодыми людьми благородного происхождения позволили ему приобрести познания разнообразного толка, что редко встречается в людях его сословия; он приобрел познания в математике, фортификации, рисовании, мифологии, географии, по всем аспектам истории, политических наук и публичного права. По различным дисциплинам он брал частные уроки у профессоров совместно с юными господами, доверенными попечительству его дяди, и в то же время был при них репетитором. У меня он также неоднократно изучал различные аспекты исторических и политических наук.

С целью совершенствования в немецком языке, основами которого он владеет, он провел некоторое время в Гейдельберге. После кончины его дяди ему было доверено обучение юного французского дворянина, которое он завершит в скором времени, к полному удовольствию родителей ученика. После того, что я сообщил и в достоверности чего я, сударь, ручаюсь, ибо всему сам был свидетелем, оставляю на ваш суд определить, имею ли я удовольствие рекомендовать г-на Коломбо²⁸.

В заключение письма автор подчеркивает, что кандидату уже предлагали должность секретаря французского посла в Португалии, что доказывает ту легкость, с которой учителя меняли должности. Князь Коллоредо нанял Коломбо с условием, что тот будет обучать также и его самого младшего сына²⁹.

На волне эмиграции в период Французской революции в Чехию приезжали представители древних аристократических родов, ли-

²⁷ SOA Zámorsk. FA Colloredo–Waldsee. Кор. 26. Выдержка из письма, отправленного из Страсбурга. Л. 92 об.

²⁸ Ibid.

²⁹ SOA Zámorsk. Ф. Colloredo–Waldsee. Кор. 26. Письмо преподавателю в Страсбург от Рудольфа Йозефа фон Коллоредо. Б. д. Л. 96 об.

шившиеся своего имущества, и некоторые из них даже становились учителями в дворянских семьях³⁰.

Что преподавали учителя?

На этот вопрос можно ответить, изучив некоторые тетради учеников из дворянских семей XVIII в., таких как Штернберги (Sternberg), Вальдштейны (Waldstein), Хотеки (Chotek), Кински (Kinsky), Шварценберги (Schwarzenberg), Дитрихштайны (Dietrichstein). Некоторые документы хранятся в публичных библиотеках, частных дворянских библиотечных собраниях, семейных дворянских архивах и имеют отношение к домашнему обучению. Французские учителя чаще всего преподавали свой родной язык, но были и исключения. В нашем распоряжении имеется тетрадь двенадцатилетнего Яна Рудольфа Хотека, оставшаяся после сдачи им в 1760 г. публичных испытаний³¹. Все написано по-французски, хотя на проверку выносилось несколько предметов: мифология Древнего Египта и Древней Греции; география с элементами политики и истории; астрономия (в этой части ученик сообщает, что Солнце и вся Вселенная вращаются вокруг Земли, поскольку система Птолемея является самой лучшей); затем – геральдика, гражданская и военная архитектура, и в конце – религия. По прошествии времени у сыновей экзаменуемого также появляется франкоязычный учитель, аббат Швикхардт (Schwiekhart), преподававший им на французском языке физику и математику. Другим дворянином, изучавшим точные науки на французском, был Ян Клари-Алдринген (Clary-Aldringen)³². Тетради с записями этих учеников дают представление об их занятиях по математике (алгебра, геометрия и т.д.) и об их публичных экзаменах, проходивших в 1769 и 1772 гг. в Вене.

Тетради графа Яна Венцесла Вальдштейна (1690–1741) дают полное представление о практике преподавания французского языка³³. Юный дворянин изучал французский язык по довольно архаичной методике. Вначале он переписывал грамматические правила. Новые слова или предложения он учил посредством их бесконечного переписывания. Иногда целый урок мог быть посвящен копированию одной-единственной фразы. Затем он старался перевести главы из историче-

³⁰ См.: Rance K. Die Sozialisation junger französischer Adliger im deutschen Exil. Übertragung adeliger Werte 1789–1815 // Eliten um 1800. Erfahrungshorizonte Verhaltensweisen, Handlungsmöglichkeiten. Mainz, 2000. P. 135–154.

³¹ Каčina. Библиотека поместья. Шифр 3228. Экзамен проходил 20 ноября 1760 г.

³² SOA Litoměřice. Филиал Děčín. Ф. Clary-Aldringen. Kop. 115. Ед.хр. 265. Jean comte de Clary-Aldringen. Thèses de mathématiques... Vienne, 1770; *Idem*. Thèses sur les principales parties des mathématiques... Vienne, 1772.

³³ SOA Praha. Ф. Waldstein-Wartenberg. Kop. 26, инв. n° 3295.

ских сочинений или классических латинских произведений. И наконец писал эссе, письма отцу или составлял чей-либо словесный портрет. Внушение нравственных принципов было включено в обучение языкам: для переписывания часто предлагались высказывания религиозного или морализаторского толка, как, например, «бойся Бога», много раз повторенное в письменном виде.

Тот же подход виден и в других тетрадах. Однако следует отметить, что дворяне не забывали классические языки: сохранились тетради, где французский чередуется с латынью; часто оба языка преподавали по одной методике – ученик повторял и переписывал предложения. Так учили французскому языку и младшего члена семьи Штернберг в 1750-х гг.: он повторял фразы и переписывал слова, предложения или выражения³⁴. Он также копировал выдержки из книг, например, из «Истории Англии», главу из истории Европы Пуфендорфа. Среди бумаг писателя Карла-Йозефа Клари-Алдрингена (Clary-Aldringen) есть и его ученические тетради с переводами писем мадам де Севинье в качестве образца для изучения эпистолярного стиля³⁵. Среди документов князя Карла Филиппа Шварценберга сохранилась рукописная копия учебника эпистолярного стиля на французском языке, в котором даны выражения для писем различных жанров³⁶. Юный князь учился понимать стилистические различия между дружеской и официальной корреспонденцией. Ему объясняли, что, дабы казаться естественным, письмо не должно быть приукрашенным; с другой стороны необходимо соблюдать общепринятый «эпистолярный кодекс».

Эссе учеников более старшего возраста на историческую и нравственную тематику представляют больший интерес. Карл Йозеф Шварценберг, к примеру, составлял описания различных народов – французов, итальянцев, испанцев, затем написал «Очерк о красоте французского языка» (*Essai sur la beauté de la langue française*). Здесь он приводил высказывания таких классиков французской литературы, как Николя Буало и Жан Расин. Но это ученическое сочинение было, конечно, совершенно иного уровня, чем очерки такого крупного автора, как Ривароль, в которых французский воспевался как язык ясного выражения мысли и язык Просвещения. В Чехии очерков такого рода не было. Интересно, что подобными упражнениями в юности занимался маршал Шварценберг, противник Французской революции, а впоследствии победитель Наполеона.

³⁴ ANM Praha. AF Sternberg-Manderscheid. Kop. 134.

³⁵ SOA Litoměřice. AF Clary-Aldringen. Kop. 183, инв. н° 326.

³⁶ SOA Třeboň. AF Schwarzenberg – secundogeniture. Kop. 115.

Распространение Просвещения и контр-Просвещения

Принимали ли французские учителя участие в распространении идей Просвещения? Здесь важно уточнить, о чем идет речь: о радикальном направлении просветительской мысли или о «мейнстриме». Эти определения, введенные в научный оборот Джонатаном Израелем, представляются полезными, поскольку существует большая разница между Просвещением, основанным на религии, и разрушительным Просвещением, отвергающим религию, как естественную, так и постигнутую в откровении. В глазах аристократов и их учителей это различие, безусловно, имело значение. Нерадикальное Просвещение было приемлемо в общественной сфере большинства европейских стран, в отличие от радикального Просвещения. Вместе с тем можно было не быть «радикалом» и не являться при этом врагом Просвещения³⁷.

Учителя-французы, пожалуй, не являлись проводниками радикального Просвещения. Представляется маловероятным, чтобы члены конгрегации церкви Св. Людовика, добропорядочные католики, или даже просто лица, выбранные для обучения детей высшей знати, могли быть приверженцами радикального направления философии. Конечно, мы помним анекдот, рассказанный Шарлем Жозефом де Линем о том, что его отец, опасаясь, как бы его сын не стал деистом, принялся искать французского офицера, который должен был привить сыну любовь к религии: «Он спросил у шевалье Сен-Мориса, был ли он также деистом, но тот его заверил, что нет. Шевалье не лгал, поскольку был атеистом; вот и мы стали атеистами или, вернее, перестали вообще размышлять обо всем этом»³⁸. Но сей бонвиван составлял, несомненно, исключение из правил.

Тем не менее император Франц II опасался, что французы могут стать распространителями идей революции, и в 1793 г. запретил им заниматься обучением молодежи³⁹.

За «якобинство» несколько учителей подверглись преследованиям: например, Индржих Елинек (**Jindřich Jelínek**), наставник молодого графа Франца Йозефа Силва-Тарукка (*Sylva-Taroucca*), или

³⁷ Термин «радикальное Просвещение» (*les Lumières radicales*) употребляется нами в значении близком тому, что дал Д. Израель: течение мысли, радикальным образом направленное против религии, против монархии. Идеи всеобщего нравственного закона и терпимости не представляли угрозы и выдвигались не только мыслителями радикального толка. – См.: *Israel J. I. A Revolution of the Mind. Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy*. Princeton, Oxford, 2009.

³⁸ *Ligne C.-J., prince de. Mémoires suivis des pensées*, Bruxelles, 1860. P. 33.

³⁹ *Lenderová M. Sociální a kulturní funkce francouzštiny ve společnosti českých zemí v období mezi časy // Post tenebras spero lucem: duchovní tvář českého osvícenství*. Praha, 2009. P. 236–251.

некий Чейнар (Czeynard), служивший у графа Франца Антона Мани (Magnis). В 1795 г. Чейнара арестовали как одного из участников заговора венгерских якобинцев и подвергли полицейскому допросу⁴⁰. В итоге даже бывший учитель Франца II Андреас Ридель (Andreas Riedel) также оказался среди подозреваемых в якобинстве⁴¹. Парадокс заключается в том, что ни один из этих «якобинцев» не был французом.

Вопреки широко распространенному представлению учителя-французы были, скорее, противниками радикального Просвещения и Революции, доказательством чему являются их сочинения той поры, хранящиеся в наших архивах и библиотеках. Французские учителя писали об образовании и морали и стремились внести вклад в укрепление нравственности и распространение знаний. Некоторые делали попытки применить свои таланты и знания в деле борьбы с революцией.

Одним из них был бывший иезуит Франсуа Ксавье Бужар, преподававший в дворянском училище Св. Терезы. В 1773 г. он издал «Наставление для юношества»⁴². Сочинение написано в форме отцовского наставления, где он просвещает своего сына в вопросах христианской морали. Несмотря на это, трактат составлен в очень живой манере, что отличает его от сухих сочинений иезуитов, как правило, составленных на латыни; он является примером нового стиля обращения к обществу с целью защитить постигнутую в откровении религию от радикального Просвещения. Бужар предлагает этическую концепцию, построенную именно на такой религиозности, и исходит из познания Бога, подтвержденного физико-теологическими доказательствами: строение Вселенной и человека указывают на величие Бога. Тем не менее Бужар не подкрепляет эти утверждения ни примерами, ни научными доказательствами, он просто рассказывает. Приняв на себя роль «отца», он часто обращается к «сыну» и уже этим завоевывает внимание читателя. Человек представлен существом дуалистическим, разрывающимся между небесами и землей, между душой и телом; будучи созданным по образу и подобию Бога, он должен выполнять обязательства, находящиеся в ведении небес. Затем Бужар объясняет обязанности, которые необходимо иметь перед Богом, перед самим собой и перед ближними. Цель нравственности – обрести спасение. Он побуждает своих читателей к христианскому милосердию, что роднит его суждения с теологи-

⁴⁰ Kroupa J. Alchymie štěstí. Pozdní osvícenství a moravská společnost 1770–1810. Brno, 2006. P. 136–137, 287.

⁴¹ Beales D. Joseph II. Cambridge, 2009. T. 2: Against the World. P. 371; Wangermann E. From Joseph II to Jacobin Trials. P. 171.

⁴² Boujart F.X. Le guide de la jeunesse. A l'usage du collège théresien, Vienne, Trattner, 1773 (Státní vědecká knihovna Olomouc 992175).

ей иосифитов, начавшей развиваться с 1770-х гг. Сострадание является добродетелью, которую необходимо взращивать в себе; надо помогать нуждающимся, сиротам, нищим. Этические положения Бужара также носят практический характер: он призывает читателя усвоить такие «общественные добродетели», как честность, искренность или долг, говорить правду, что поможет ему наладить отношения с окружающими. Автор не склонен недооценивать значение учтивого обращения, которое важно для благородного сословия.

Аббат де Гранх (Granx) представляет пример учителя-противника революции⁴³. Его учеником был знаменитый покровитель композитора Бетховена, князь Йозеф Максимилиан Лобковиц (Lobkowitz)⁴⁴. Во время Французской революции аббат написал монументальное сочинение, посвященное князю Лобковицу, под названием «Пчела, даруемая юношам, желающим узнать новое или вспомнить уже прочитанное» (*Labeille dédiée aux jeunes gens qui voudraient s'instruire ou se rappeler ce qu'ils ont déjà lu*). В нем он объединил почерпнутые из различных источников сведения с целью противостоять безбожию Французской революции. В этом собрании отрывков из разных сочинений гуманистов мы видим высказывания Эразма Роттердамского, философов XVIII в. (например, Ж.-Ж. Руссо), а также множество афоризмов и изречений авторитетных мыслителей и писателей. Труд состоит приблизительно из 35 томов и никогда не публиковался.

Джакомо Казанова не был ни французом, ни учителем, но он писал на французском языке, в том числе и о профессии учителя. При содействии своего друга-аристократа графа Максимилиана Жозефа Ламберга (Lamberg) Казанова пытался приискать себе место учителя, но в тот момент не нашлось никого, кто нуждался бы в его услугах⁴⁵. Граф Йозеф Карл Вальдштейн, у которого он с 1785 г. состоял на службе, был бездетен, и Казанове не представилось возможности проявить свой талант преподавателя⁴⁶. Вместо этого он оставил несколько сочинений с размышлениями на педагогическую тему, которые никогда не публиковались, а также поместил ряд соображений о воспитании

⁴³ Machačka J. Der Geist der Erziehung eines Prinzen. Ein adeliger Erziehungstraktat aus der Zeit der Aufklärung // Adelige Ausbildung. Die Herausforderung der Aufklärung und die Folgen. München, 2006. P. 177–192.

⁴⁴ Macek J. Franz Joseph Maximilian von Lobkowitz – Musikfreund und Kunstmäzen // Beethoven und Böhmen. Beiträge zur Biographie und Wirkungsgeschichte Beethovens. Bonn, 1988.

⁴⁵ Письмо Ламберга Казанове из Брно от 16 декабря 1786 г. Casanova und Graf Lamberg. Unveröffentlichte Briefe des Grafen Max Lamberg an Casanova aus dem Schlossarchiv in Dux. Wien; Leipzig, 1935. P. 50.

⁴⁶ О службе Казановы в Чехии см.: Tichý V. Casanova v Čechách. Duchcov, 1995; Polišenský J. Casanova a jeho svět. Praha, 1999.

в свой утопический роман «Икосамерон»⁴⁷. Педагогические идеи Казановы основывались на убеждении, что натура человека неизменна. По его мнению, человек – существо слабое, ведомое «заблуждениями, злоупотреблениями и предрассудками», и никто не в силах этого изменить. Казанова приложил немного стараний для борьбы с «философами», которые делали положение человека еще более безнадежным, давая ему ложное знание и возбуждая его гордыню и самолюбие⁴⁸. Его главной задачей было написание диалогов: Казанова составлял десятки диалогов, большинство которых – между неизвестными лицами, в других случаях – между ним самим и доктором О’Рейли (O’Reilly). Иногда это беседы философов, в которых он отвергает принципы радикальной философии и даже атеизм. В одном из диалогов, «Учитель и ученик» (le Précepteur et l’écologiste)⁴⁹, последний учится противостоять соблазнам поверхностной философии, представленной «великим умом» по имени Мастикс (Mastix), который своими манерами и красноречием умеет произвести впечатление в салонах. Он поражает ученика своим изречением «заблуждения полезны роду человеческому»; этой фразой он подталкивает его к идеям радикального Просвещения. По счастью, учитель объясняет своему воспитаннику все недостатки этого обманщика и показывает ему, как своими ответами Мастикс маскирует свое невежество.

Широкое распространение французского языка и достижений французской культуры, которому способствовали учителя-французы, определило развитие дворянской культуры в Чехии XVIII в. и пережило эпоху борьбы против революции. В XIX в. практика приглашения на службу французских учителей продолжилась, однако они никогда не составляли большинства преподавателей в дворянских домах Чехии. Утверждения графа Кински о том, что в Чехии учителей из Франции, страны законодательницы мод, было больше, чем учителей-выходцев из самой Чехии, в действительности являлись безусловным преувеличением.

⁴⁷ Casanova G. Icosameron, ou histoire d’Edouard et d’Elisabeth. Prague, Imprimerie des Ecoles normales, 1787 (5 vols). Vol. 1. P. 204–211 ; Vol. 4. P. 34–36; vol. 5. P. 19–21.

⁴⁸ См.: Письмо Ламберга Казанове из Брно от 19 ноября 1786 г. – Korrespondenz / Ed. G.Gugitz. P. 55.

⁴⁹ SOA Praha. Неизданные архивы Казановы. U 6/15. «Беседа учителя с учеником» (1797).